

В полицейском участке сотрудники украдкой разглядывали сидевшего перед ними молодого человека. Его левая рука была подвешена на перевязи. Стройный, подтянутый, он вовсе не выглядел богатырем. Полицейским было трудно представить, что именно этот человек уложил на лопатки здорового, свирепого забойщика скота, которого — даже раненого — не могли удержать пять-шесть крепких мужчин.

Янь Пин встретил их любопытные взгляды с абсолютным спокойствием. Его глаза отличались от обычных: они не отливали привычной коричневой теплотой, а казались бездонно-черными, темнее самой глубокой полуночи. Этот чистый, пронзительный взор словно проникал в самую душу.

Смутившись от того, что их поймали с поличным, оперативники поспешно отвели глаза и начали стандартный опрос.

Янь Пин, вернув лицу бесстрастное выражение, вежливо и подробно отвечал на все вопросы.

Для него усмирить такого бугая, как этот мясник, было делом незамысловатым — не сложнее, чем сделать глоток воды. Прежний владелец этого тела довел его физическое состояние до абсолютного человеческого предела: скорость, сила, слух и зрение были обострены до максимума. К тому же сам Янь Пин еще в Великой Юн славился воинским искусством — за его плечами были годы сражений, принесшие ему славу и почет. Он провел в этом мире уже семь дней, и этого времени вполне хватило, чтобы полностью освоиться с возможностями своего нового тела. Натренированному воину обычный уличный громила казался просто крупным, но неповоротливым ребенком.

Закончив с формальностями, Янь Пин покинул участок. У выхода его неожиданно встретил Бай Фан.

Завидев брата, юноша просиял и нетерпеливо приподнял два пакета с продуктами:

— Брат, я пришел забрать тебя домой! Будем ужинать.

Янь Пин на мгновение замер. Его взгляд задержался на крупном пластыре, наклеенном на лоб Бай Фана. В груди шевельнулось странное чувство — то ли его задела вчерашняя рана на лице юноши, то ли само слово «домой» заставило дрогнуть струну в душе человека, никогда не знавшего семейного тепла.

Равнодушие в его глазах сменилось холодной отстраненностью. Янь Пин слегка наклонился к нему, пристально вглядываясь в красивое, чистое лицо с мягкими чертами, пушистыми черными волосами и едва заметной ямочкой на щеке. Бай Фан улыбался так искренне, словно был самым солнечным светом, пробивающимся сквозь облака.

— Тебе не стоит подходить ко мне слишком близко, — негромко произнес Янь Пин. Его голос, чуть хриловатый от долгого молчания, звучал глубоко и завораживающе. — И не нужно

тратить на меня свои чувства.

Он не был настоящим Янь Пином и никогда не защищал этого мальчика. Бай Фан не должен проецировать свою детскую привязанность и благодарность на него. Янь Пин никогда не считал себя праведником: в прошлой жизни он безжалостно уничтожал политических врагов и редко щадил невинных. Те, кто оказывался рядом с ним, почти всегда дорого за это платили. К тому же сейчас он хранил тайны, которые могли навлечь смертельную опасность на любого, кто окажется поблизости.

Бай Фан растерянно захлопал глазами. Когда смысл слов дошел до него, юноша мгновенно прослезился, и слезы покатились по щекам одна за другой.

— Брат... ты... ты прогоняешь меня? — его голос сорвался на тихий плач. — Я послушный. Я умею стирать, готовить, я буду зарабатывать деньги!

Словно боясь, что ему не поверят, он дрожащими руками вытащил телефон и открыл переписку:

— Смотри! Меня в следующем месяце берут на съемки шоу, это шоу-бизнес, там очень много платят!

Янь Пин, совершенно не ожидавший такого бурного потока слез, почувствовал, как вся его холодность бесследно испарилась, оставив лишь легкую головную боль. Он устало потер переносицу:

— Прекрати плакать.

Бай Фан послушно умолк, хотя его глаза все еще блестели от слез, которые он безуспешно пытался смахнуть.

Янь Пин вздохнул, взял край рукава юноши и аккуратно вытер его мокрое лицо, после чего развернулся к машине:

— Домой.

Бай Фану было совершенно все равно, что брат вытер его слезы его же собственной одеждой. Он глуповато, но счастливо улыбнулся и побежал к автомобилю. Перед тем как завести мотор, он украдкой взглянул на Янь Пина через зеркало заднего вида, довольно думая про себя: «Значит, брат боится моих слез!»

Янь Пин проигнорировал этот взгляд, отвернувшись к окну.

«Ладно, пусть будет так», — мысленно вздохнул он. Он больше не находился в паутине дворцовых интриг Великой Юн. Если он решит скрыть свои секреты, ни один обычный человек не сможет их раскопать. Пусть мальчик остается рядом, лишь бы больше не ревел — от этого плача у него действительно раскалывалась голова.

Они ехали молча. Лишь когда до дома оставалось совсем немного, Бай Фан нерешительно покосился на брата и наконец заговорил:

— Брат, ты ведь еще не оправился от ран. В следующий раз, если увидишь что-то подобное, держись подальше. Вдруг с тобой что-то случится?

Янь Пин небрежно бросил короткое «угу».

Обрадованный тем, что ему ответили, Бай Фан повеселел:

— В последнее время неприятности так и сыплются на нас. Давай завтра съездим в храм на горе Чушань? Поставим благовония, очистимся от скверны. Может, и удача вернется.

— Не поеду, — ответил Янь Пин, открывая дверцу машины. — Я не верю в богов.

Даже столкнувшись с Системой и узнав о существовании высших сущностей, он все равно не верил, что небожители станут приклонять слух к ничтожным просьбам смертных.

— Да какая разница, веришь ты или нет? Просто поклониться, вдруг поможет? — не отставал Бай Фан, спеша за ним следом.

— Нет.

В Облачном городском первом народном госпитале Инь Хун наконец пришел в себя после наркоза. Он лежал, уставившись неподвижным взглядом в потолок.

Сидевшие у его постели немолодые мужчина и женщина мгновенно засуетились. Отец лихорадочно зажал кнопку вызова врача. Вскоре прибежал дежурный доктор, осмотрел больного и дал указания:

— Все хорошо. В ближайшие полчаса пить ему не давайте. Если губы сильно пересохнут, смочите их мокрой ватной палочкой. Через три часа можно будет немного поесть.

— Да-да, конечно. Спасибо большое, доктор, — ответила Ци Юнь, провожая врача полным

облегчения взглядом.

Посмотрев на бледное лицо сына, она почувствовала, как сжалось ее материнское сердце. С одной стороны, она гордилась его мужеством и благородством, но с другой — была глубоко возмущена его безрассудством. Разъяренный мясник с тесаком — не тот противник, против которого должен выступать подросток. В таких ситуациях нужно сначала спасти собственную жизнь, а потом звать на помощь тех, кто может справиться с бедой. Но, видя слабость сына, она решила отложить нотации до его выздоровления.

Ци Юнь заботливо поправила одеяло:

— Сильно болит?

Инь Хун слабо улыбнулся:

— А я думал, ты сразу начнешь меня ругать.

Поняв, что у сына еще остались силы на шутки, Ци Юнь немного расслабилась и шутливо щелкнула его по лбу:

— Эту взбучку я пока отложу. Вот поправишься — тогда и поговорим.

Они перекинулись еще парой слов, и Инь Хун начало клонить в сон. Из последних сил он старался держать глаза открытыми, чтобы мать не волновалась, но Ци Юнь ласково погладила его по щеке:

— Спи, у тебя глаза уже слипаются. Поговорим, когда наберешься сил.

Инь Хун посмотрел на отца, тот ободряюще кивнул, и юноша наконец закрыл глаза, мгновенно провалившись в глубокий сон.

Как только сын уснул, Ци Юнь прижалась к плечу мужа, Инь Хунъяня, и тихо заплакала. Ее любимый мальчик, которому через полгода предстояло сдавать выпускные экзамены, едва не погиб.

Инь Хунъянь молча гладил ее по спине, пытаясь утешить.

— Нашего мальчика спас Янь Пин, — сквозь слезы проговорила Ци Юнь. — Кем бы он ни был раньше, какие бы обиды ни связывали его с семьей моей сестры, он спас жизнь Инь Хуна. Это долг, который мы обязаны признать. Завтра мы должны навестить его и поблагодарить.

Она до сих пор содрогалась при воспоминании о кадрах с камер видеонаблюдения. Опоздай Янь Пин хоть на секунду — и ее сына уже не было бы в живых.

Инь Хунъянь серьезно кивнул:

— Да, мы должны нанести ему визит вежливости.

В полиции ему рассказали предысторию этого безумного забойщика. Мужчина был сыном местных жителей с Северной улицы. У него были некоторые задержки в развитии, но в целом он был тихим и послушным. Из-за неспособности к учебе родители обучили его семейному ремеслу — разделке мяса. В тридцать пять лет он женился на женщине с похожим недугом, которую оберегал как величайшую ценность. Два года назад у них родился сын.

Их простое счастье рухнуло четыре месяца назад, когда ребенка похитили. Во время поисков пожилые родители забойщика попали в автокатастрофу и погибли. Потеря сына и смерть свекра со свекровью окончательно свели его жену с ума. Мужчина почему-то твердо уверовал, что ребенка украл их сосед — тот самый парень, за которым он сегодня гнался с топором. Сосед действительно исчез сразу после пропажи ребенка и вернулся в город лишь сегодня. Встретив его на рынке, мясник окончательно потерял рассудок.

Эта история вызывала жалость, но безумец едва не лишил жизни четырех человек. И если сосед мог быть в чем-то виновен, то Инь Хун, Сюй Яньчжоу и случайная прохожая пострадали совершенно безвинно. И всех их спас Янь Пин.

В наш век мгновенного распространения информации происшествие на рынке быстро возглавило список горячих тем в социальных сетях. И если большинство пользователей искренне восхищались отвагой спасителей и сочувствовали трагедии, то в некоторых обсуждениях начали всплывать весьма странные комментарии.

Любитель кинзы: «Опять он?!»

Приземленный кот: «Неужели этот негодяй готов пойти на инсценировку ради обеления своего имени?!»

Замужем за топ-лейнером: «Да какой пиар, он же не звезда экрана! По-моему, он просто проклят. Куда ни придет — везде беда!»

Не женишься — не флиртуй: «А ведь верно. В том жилом комплексе годами ничего не случалось, и парень не в первый раз за кошкой лазил. Почему именно при нем все пошло прахом?»

Свинка-пеппа: «И в больнице пожаров отродясь не бывало. А загорелось именно в день его выписки!»

Звездное небо: «И на рынке тишь да гладь годами, а он пришел раз в жизни за продуктами — и сразу бойня. Самый настоящий предвестник несчастий!»

Постепенно эти суеверные бредни начали находить все больший отклик среди обывателей. Люди с готовностью верили в худшее, и вскоре за Янь Пином прочно закрепилась репутация «несущего проклятие». Местные пользователи даже начали открыто требовать, чтобы Янь Пин убирался из Облачного города.

Увидев эти комментарии, Бай Фан пришел в ярость. Закатав рукава, он засел за компьютер и принялся яростно строчить ответы, вступая в словесную перепалку со всеми троллями подряд. Он препирался с ними с самого утра до позднего вечера. Если бы его средний брат, Бай Хань, не пришел забрать его на ужин, раскрасневшийся от гнева юноша провел бы за клавиатурой всю ночь.

— Они оскорбляют моего брата! — обиженно пожаловался Бай Фан, когда его буквально силой оттащили от монитора.

У Бай Ханя от этого заявления разболелась голова.

«Твои настоящие братья стоят прямо перед тобой, и никто из нас не обижен!» — подумал он. В такие моменты он испытывал к Янь Пину острую неприязнь. Как этот человек умудрился так сильно привязать к себе их милого, послушного младшего брата?

Видя, что Бай Фан готов в любую секунду вернуться к своей онлайн-войне, Бай Хань решил действовать решительно. Он отвел его в кабинет и запустил сеанс видеосвязи с родителями. Если позволить Бай Фану продолжать эти сетевые баталии, о его будущей карьере в шоу-бизнесе можно будет забыть — хейтеры мгновенно раскопают его агрессивные комментарии.

На экране появились лица родителей. Выслушав доклад Бай Ханя, они выглядели недовольными и одновременно беспомощными.

— Эти слухи в сети долго не продержатся, — мягко обратилась к сыну Ци Юань.

— Мама, значит, ты поможешь брату Яню? — Бай Фан засиял надеждой.

Ци Юань вздохнула:

— Я не стану помогать никому из семьи Янь.

Бай Фан мгновенно помрачнел.

— Мама, ты меня обманываешь.

Видя его поникший вид, Ци Юань горько усмехнулась:

— Еще и губы надул? Когда та женщина из семьи Янь забрала тебя у меня прямо из роддома, она даже не подумала, выживу ли я после потери ребенка. Ей было плевать, выживешь ли ты сам. Если бы не чудо, тебя бы уже не было в живых.

При воспоминании о тех временах на глазах Ци Юань выступили слезы. Стоило ей вспомнить, через что прошел ее младший сын в доме Яней, как ее сердце обливалось кровью.

— Мама, мамочка, не плачь, — растерялся Бай Фан, умоляюще переводя взгляд на отца и старших братьев, безмолвно призывая их на помощь.

Однако глава семейства Бай Кайфэн, старший брат Бай Шэнь и средний Бай Хань дружно отвернулись, сделав вид, что очень заняты изучением интерьера кабинета. Они прекрасно знали: когда мать расстроена, сочувствовать ей нужно осторожно, иначе под горячую руку попадут именно они.

— Я не плачу, просто ресница в глаз попала, — Ци Юань сделала вид, что утирает слезы, внимательно следя за реакцией своих мужчин.

Убедившись, что все ведут себя смирно, она вздохнула. Больше всего на свете она чувствовала себя виноватой именно перед младшим сыном. Каждый раз, когда она видела его чистый, почти детский взгляд, ее охватывала глубокая печаль. Из-за того, что его шестнадцать лет держали взаперти, вдали от общества, у него не было нормального образования, и им пришлось согласиться на его карьеру в шоу-бизнесе. Но именно в те долгие годы изоляции Янь Пин, который был старше его всего на месяц, оставался для него единственным другом и защитником.

И она понимала, что не имеет права силой вырывать этого человека из сердца своего ребенка.

— Янь Пин сегодня спас Сюй Яньчжоу и Инь Хуна. Моя сестра и семья Сюй не позволят этой грязи висеть в сети. Теперь ты успокоился? — уступила она.

— Да! — Бай Фан мгновенно повеселел. Значит, его брат не увидит этих злых слов. — Я же говорил, что брат самый лучший! Теперь-то вы верите?

Вся семья хранила молчание. Конечно, Янь Пин спас детей, что говорило о наличии у него зачатков совести, но это не отменяло его прошлых неблагоприятных поступков. Однако, глядя на счастливое лицо младшего сына, они предпочли промолчать. Его слепая вера в Янь Пина была

поистине безграничной.

Сам Янь Пин вовсе не пребывал в неведении относительно интернет-слухов, как надеялся Бай Фан. Ему было чертовски интересно изучать возможности современных технологий, и он узнал о напаках хейтеров гораздо раньше юноши. Но эти виртуальные крики его нисколько не волновали.

Вместо этого он спокойно стоял у плиты на своей кухне, сверяясь с кулинарной книгой. Приготовление пищи оказалось на удивление медитативным занятием. Когда блюдо было готово, бывший канцлер Великой Юн ощутил легкое, почти забытое чувство гордости за свой труд.

Попробовав получившееся и найдя вкус вполне достойным, Янь Пин разделил еду пополам. Затем он приобрел через Систему мешок риса, муку и теплое ватное пальто и отправил все это через пространственный канал.

За сегодняшнее происшествие на рынке он получил 4 очка заслуг. Вместе с имевшимися полутора очками у него набралось 5,5 очка заслуг. Пересылка вещей требовала по 2 очка за каждую категорию отправления: готовая еда считалась одной позицией, бакалея — второй, а зимняя одежда — третьей. Всего пересылка стоила 6 очков, так что в итоге он остался должен Системе пол-очка.

Медная деревня

В своей скромной хижине Вэнь Цзянь, поужинав скудными запасами, собирался ложиться спать. Вдруг он заметил странное шевеление в углу. Загадочное растение, принесенное им из лесной чащи и не подававшее до сих пор никаких признаков жизни, внезапно зашевелилось.

Точно так же, как в лесу, оно начало раскапывать землю под своим толстым стеблем двумя вспомогательными листочками. Вскоре из ямки на свет появились тарелки с горячей, источающей умопомрачительный аромат едой, два плотных мешка и теплая одежда.

Вэнь Цзянь в глубоком молчании подошел ближе. Еда была свежей и еще дымилась. В мешках оказалась белоснежная, невероятно чистая крупа и мука тончайшего помола — невиданная роскошь для здешних мест. А одежда представляла собой плотное зимнее пальто, мягкое и очень теплое на ощупь.

«Кто же это делает?» — подумал он.

«Кто так упорно пытается сберечь мне жизнь?»

Причем этот таинственный покровитель пользовался поистине божественными методами. Кто в подлунном мире способен на такое чудо? Или это вовсе не человек?

Вэнь Цзянь долго сидел на краю деревянной кровати, погруженный в глубокие думы. Затем он медленно подошел к странному цветку, опустился на колени и осторожно потрогал пальцем разрыхленную землю под листьями, пытаясь разгадать тайну этого волшебного тайника.

Наблюдая за его действиями через полупрозрачный экран Системы, Янь Пин мягко улыбнулся.

Судя по всему, молодой генерал чувствовал себя превосходно и быстро шел на поправку.

Заметив, что Вэнь Цзянь забрал растение с собой, Янь Пин попросил Систему закрепить пространственный канал именно за этим цветком. Это было и удобно, и забавляло его, пробуждая давнюю склонность к невинным розыгрышам.

Интересно, испугается ли этот суровый воин столь необычных даров?

Обычный человек наверняка пришел бы в ужас от вещей, возникающих прямо из воздуха. Но Вэнь Цзянь не был обычным человеком — его храбрость граничила с безумием.

Янь Пин перестал улыбаться, когда экран Системы погас. Он посидел в тишине кабинета, затем неторопливо принял душ, полистал книгу в библиотеке и лег спать.

<http://bllate.org/book/18369/1815701>